

Владимир БЕРЯЗЕВ

ЧЕРТА ЗАБВЕНЬЯ

Шестилетняя Дора во храме

Черпает воду святую крещенскую
Щедрым ковшом,
Ток изливая — светло и вещественно,
С верой о том,
Что все порожнее духом наполнится
Вплоть до краев...
Льется водица, поет колоколенка,
Сердце поет.

А прихожане идут непрерывною
Цепь-чередой
За неизбывною, за богодивною
Влагой-водой.
Светится девицы лик в озарении
Блага-труда.
Неупиваема чаша дарения —
Жертвой свята.

Ангельский возраст за детство отчалит ли,
Кровь забурлит,
Будет напиток любовей-печалей
В теле разлит.
Женской красою напоена допьяна,
Вспомнишь ли ты
Те непорочного светоподобия
Взоры-черты?

Миг, когда всех одаряла беспощлинно
Влагой небес,
Миг, когда образ величия Божьего
В Слове воскрес,
Миг, когда с верою святоотеческой
Став на постой,
Вдруг возсия над главою младенческой
Нимб золотой.

Песенка

Пой, золотой мой, и пей, не робей!
Катит свой шарик жук-скарабей.

Неупиваем омут скорбей.
Пей со смирением, пой, не робей!

В храме ли Божьем иль средь зыбей
Позже не сможешь — пой, не робей!

Жребий уж брошен, так не слабей,
Пей, мой хороший, и пой, не робей!

Что ж, коли после — осот да репей?..
В тлен-сердцевину осину забей!..

Письмо с передовой

Подступает распутица.
Всё! — поплыл чернозем.
То — войне не попутчица,
А засада во всем.

Фронт погружен по самое
Ё-моё, не могу.
Я ж за этой засадою
Сам себя стерегу.

Сторожу в одиночестве
Блиндажа тишину.
Талых вод заморочество
Окружает войну.

Свечки алое перышко
Треплет дых сквозняка.
А лопатка саперная
Не при деле пока.

Связи нити порушены.
Батареи молчат.
Эсэмэски Марусины
Где-то ищут мой чат.

Смерть прошла по касательной,
Никого не взяла...
Напишу обязательно,
Как позволят дела,

Как уймется распутица,
Как утихнут бои,
Как нахлынут и сбудутся
Эсэмэски твои,

Как проклятое месиво
Станет пашней опять —
В том черемухи месяце,
В белом платье до пят.

* * *

И сядет переплавлять и очищать серебро...

Книга Пророка Малахии

— А как вы определяете момент, когда
металл достиг нужной чистоты?

— О, это просто. Как только я вижу в нем
свое отражение.

Из притчи

Мой друг, художник по металлу,
Позвал меня, сказав: «Добро,
Придешь, мы в тигле поначалу
С тобой очистим серебро.
А там помыслим: крест ли, перстень
Отлить на радость и красу.
Ты сочинишь сонет иль песню,
Храня созвучье на весу».

Я — в мастерской. В горниле жара
Уже оплыл серебряный лом,
Уже, родная и чужая,
Звень не упомнит о былом.
Вот-вот сольются воедино
Металла старые куски,
Близка плавленья середина,
И сроки новые близки...
Сгорают примеси до шлака,
Как накипь страсти и тщеты,
Постичь границу зла и блага
Сквозь полымя дерзаешь ты.
Миг чистоты... В огне нетленном
Есть сокровенное знатьё —
Узреть в расплаве обновленном
Вдруг отражение свое!

P. S.

Не так ли в горне покаянья,
В сем очистительном огне
И правде Божьего сиянья,
Прозрачная — во белом дне —
Как капля на ладони клена,
Душа — зеркальная роса! —
И лучезарно, и влюбленно
В себе являет небеса?!

* * *

А тело летело до самого синего моря,
Не зная Хатыни, не ведая голодомора,

Не ведая пакта от Молотова — Риббентропа,
Не ведая факта о том, что свободна Европа,

О том, что Европа свободна от новых Пришествий,
От милых пришельцев нашествий и от сумасшествий,

Поскольку еще не родился Мессия из клона
И не осыпаются звезды на нас с небосклона.

А тело летело над Сирией в пламенном свете,
Над медиамиром летело подобно комете,

И рухнуло тело в воронку, что вырыли люди,
И долго горело — кровавым обрубком на блюде,

Чтоб выжгло границы для новых задач и сражений,
Для зон зараженья, для плазменных преобразений.

* * *

Стремглав над самую водою
Мелькают парами стрижи.
А наше счастье молодое
Дрожит над пропастью во ржи.

Стрижи открытым зевом ловят
Туман мошки и комара.
Полету их не прекословят
Холоднокрылые ветра.

По воле воздуха и дара
И мы скользим над гладью вод —
Стрижей возлюбленная пара,
Двух душ стремительный полет.

Уже заря изнемогает,
Уж слышен звон иных высот...
И набегает, набегает
Чертой забвенья — горизонт.

